вызванного репрессивной политикой И.В. Сталина. Однако, одолев этот сложный путь, российские немцы стали носителями уникального культурного кода, вобравшего в себя немецкие национальные составляющие и явления, обусловленные влиянием русской культуры, а также других культур, с которыми они контактировали в процессе перемещения по территории российского государства.

Дальнейшее исследование языка российских немцев, в том числе антропонимии, внесёт значительный вклад в разноаспектное описание лингвокультуры данного субэтноса, лингвокультур иных народов РФ со схожей с российскими немцами исторической судьбой, а также других этнических групп, чьи ареалы распространения за пределами России носят анклавный характер.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
(проекты № 17-04-18015 и № 17-34-00031)*

1. Александрова Т.С., Добровольский Д.О., Салахов Р.А. Словарь личных немецких имён. Происхождение, значение, употребление. – М.: Русский язык, 2000. – 248 с.
2. Альмяшова Л.В., Нестерова Е.Н., Халимова Е.В. К вопросу о личных именах этногруппы «российские немцы» // Полевые исследования: островная немецкая диалектология и этнография: мат-лы науч.-практ. конф. Красноярск, 28–30 октября 2009 г. / отв. ред. В.А. Дятлова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2009. – С. 14–23.
3. Богословская З.М., Малкова Р.А., Щеголихина Ю.В. Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев [Электронный ресурс] = Personal names as a display of historical memory of Russian Germans // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев: научный журнал. – 2015. – Ч. 1. – С. 82–84.
4. Назаров А.И. Личные имена советских немцев // Словарь-справочник /АН КазССР, Ин-т философии и права. – Алма-Ата: «Гылым», 1990. – 118 с.
5. Никонов В.А. Ищем имя. – М.: Сов. Россия, 1988. – 128 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
7. Deutsche Namenkunde // Kleine Enzyklopedie. Die deutsche Sprache. Zweiter Band. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1970. – S. 636–751.
8. Duden. Das große Vornamenlexikon, 2. Völlig neu bearbeitete Auflage. Bearbeitet von Rosa und Volker Kohlheim. Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2003. – 437 S.
9. Rudenko S. Die Besonderheiten der Anthroponymie der Russlanddeutschen in der Altai-Region (Am Beispiel der Schumanowka-Siedlung des Deutschen Nationalen Rayons). // Forschungen deutscher Dialekte in Russland: Geschichte, Gegenwart und Zukunft Russlanddeutscher Sprachinseldialektologie: Vorträge der internationalen wissenschaftlich-praktischen Sprachkonferenz. – Moskau, 25–29. Juni 2011 / Verantw. Red. W. Djatlowa. – Moskau: IVDK-press, 2011. – S. 100–101.

Дубровченко Е.М.

Метакоммуникативное речевое действие как средство регуляции коммуникативного процесса

*Минский государственный лингвистический университет
(Беларусь, Минск)*

doi: 10.18411/lj-31-10-2017-51

idsp: 000001:lj-31-10-2017-51

Аннотация

Метакоммуникативные речевые действия играют важную роль в человеческом общении. Они способствуют осуществлению обратной связи, регулируют ход интеракции и модифицируют коммуникативный процесс. Использование метакоммуникативных маркеров позволяет собеседникам достигать своих коммуникативных целей.

Ключевые слова: метакоммуникативное речевое действие, метакоммуникация, коммуникативный процесс, псевдокоммуникация, квазикаммуникация.

В данной статье мы рассмотрим функционирование и значение метакоммуникативных речевых действий в основных типах дискурса. Под метакоммуникативным речевым действием мы понимаем вербальные комментарии к коммуникативному акту, описывающие коммуникативный процесс между партнерами по общению (Дубровченко 2010).

Метакоммуникативные речевые действия обеспечивают направление и развертывание коммуникативного акта в соответствии с намерением его участников. В процессе общения метакоммуникативные высказывания выполняют три основные функции:

- 1) способствуют осуществлению обратной связи;
- 2) регулируют ход интеракции;
- 3) модифицируют коммуникативный процесс.

Каждая из выделенных функций позволяет преодолевать коммуникативные сбои и оптимизирует общение. Под коммуникативными сбоями мы, вслед за О.А.Леонтович, понимаем «прерывание коммуникативной цепочки» под влиянием языковых, поведенческих, психологических, культурологических и др. помех (Леонтович 2003: 274 — 275). Для восстановления этой цепочки необходим анализ причин, вызвавших коммуникативный сбой, что осуществляется посредством метакоммуникации. Кроме того, на этапе, предшествующем коммуникативному сбою, метакоммуникативные речевые действия способствуют устранению помех, препятствующих нормальному ходу интеракции.

На примере диалогов из художественной литературы мы рассмотрим, как посредством метакоммуникации говорящие пытаются модифицировать ход общения и достичь своих коммуникативных целей.

С этой точки интересен диалог из книги S. Sheldon *“Bloodline”* (156 — 159). Анализируемый нами коммуникативный акт происходит в ситуации делового общения между Элизабет, восемнадцатилетней дочерью президента крупной фармацевтической компании *“RoffeandSons”*, которой вследствие смерти отца пришлось занять его пост, и ревизором компании:

There was a current financial report on her desk. Elizabeth read it with growing dismay, and then sent for the company comptroller <...>

Elizabeth began without preamble. “How can a company like Roffe and Sons be in financial difficulty?”

Kraus looked at her and shrugged. He was obviously not used to reporting to a woman. He said condescendingly, “Well, putting it in words of one syllable —”

“Let’s begin with the fact,” Elizabeth said curtly, “that up until two years ago Roffe and Sons had always done its own capital financing.”

She watched his expression change, trying to adjust. “Well — yes, ma’am.”

“Then why are we so heavily indebted to banks now?”

Авторская метакоммуникативная ремарка в преддверии диалога свидетельствует о решительной и активной позиции Элизабет. Это подтверждает ее первый коммуникативный ход, нацеленный на получение информации о причинах финансовых проблем компании, и второй коммуникативный ход, представляющий собой метакоммуникативное речевое действие, побуждающее собеседника отвечать в соответствии с указанным условием (*“Let’s begin with the fact”*). Как мы видим, посредством метакоммуникации Элизабет направляет ход разговора, заставляя собеседника перейти непосредственно к обсуждению сути вопроса.

Метакоммуникативные речевые действия позволяют делать выводы и относительно коммуникативного поведения собеседника Элизабет. Ревизор компании чувствует себя неуверенно, о чем свидетельствует метакоммуникативный элемент “*well*”, используемый во время хезитации для заполнения паузы и возможности «подыскать» слово, а также метакоммуникативное речевое действие “*puttingitinwordsofonesyllable —*”, указывающее на то, что партнер по общению стремится уклониться от полного ответа.

Далее метакоммуникация позволяет Элизабет корректировать языковую форму сообщений, побуждая собеседника использовать вербальные средства, наиболее адекватно отражающие положение дел:

He swallowed and said, “A few years ago, we went through a period of unusually heavy expansion <...>Some of those loans are now due.”

*“Overdue,” Elizabeth **corrected** him.*

“Yes, ma’am. Overdue.”

“We’re paying the prime rate, plus one percent, plus penalty interest. Why haven’t we paid off the overdue loans and reduced the principal on the others?”

He was beyond surprise now. “Because of — er — certain unfortunate recent occurrences <...>

В третьей части диалога метакоммуникация обеспечивает проверку понимания. Используя метакоммуникативные элементы для перефразирования высказываний “*Accordingtoyourreport, ...*”, “*Inotherwords,*” Элизабет убеждается в правильной интерпретации слов ревизора:

Elizabeth sat there, studying him, wondering whose side he was on <...>

“According to your report, Mr. Kraus, our problems are of a contemporary nature <...>

“You must realize, Miss Roffe,” he began cautiously, “that a drug firm’s reputation is as important as its products.” <...>

“Go on”

“Our problems are becoming too well-known <...>”

“In other words,” Elizabeth replied, “our competitors bank with our bankers, too.”

He gave her a brief congratulatory smile. “Exactly<...>”

Метакоммуникативное речевое действие Элизабет “*Goon*” стимулирует собеседника к продолжению рассказа о тяжелом финансовом положении дел. В заключительной части диалога метакоммуникация позволяет Элизабет изменить тональность и степень формальности осуществляемой коммуникации:

“I’d like your advice,” Elizabeth said. “If you were in my position, Mr. Kraus, what would you do?”

That faintly patronizing air was back. “Well,” he said confidently, “that’s very simple. Roffe and Sons has enormous assets. If we sold off a substantial block of stock to the public, we could easily raise more than enough money to satisfy all our bank loans.”

She knew now whose side he was on. (S.Sheldon.Bloodline.156 — 159).

Таким образом, метакоммуникативные речевые действия позволяют Элизабет модифицировать коммуникативный процесс и достигнуть своей коммуникативной цели: она получает информацию о финансовых операциях своей компании и узнает, чьей политики в совете директоров, претендующих на пост президента, придерживается ревизор компании. Посредством метакоммуникации Элизабет направляет разговор с нужное русло; корректирует высказывания партнера по общению; используя

тактику перефразирования, эксплицирует то, что имел в виду собеседник; проверяет степень понимания, а также просит принять на себя роль советчика. Отвечая в соответствии с принятой ролью, т. е. представив себя на посту президента компании, коммуникант дает совет по руководству деятельностью компании, выдавая свои истинные позиции.

Приведем пример, в котором метакоммуникативные речевые действия позволяют регулировать выбор лексических средств, т. е. стиль речи, в условиях институционального дискурса. Отрывок взят из книги Д. Лоджа *“NiceWork”*. В диалоге участвует директор завода Вилкокс и его рабочий:

“It’s not running at the moment,” Wilcox said, with a pitying look. “What’s up?” he demanded, addressing the back of a blue-overalled worker who was standing beside the machine.

“Fookin’ pallet’s jammed,” said the man, without turning his head. “Fitter’s workin’ on it.”

*“**Watch your language**,” said Wilcox. “There’s a lady present.”*

The man turned round and looked at Robin with startled eyes. “Nooffence,” he muttered.

Мы видим, что в данной ситуации, услышав нецензурные выражения заводского рабочего, Вилкокс пресекает такое вербальное коммуникативное поведение метакоммуникативным речевым действием *“Watch your language”* и поясняет его присутствием женщины. Реакцией рабочего на данный метакоммуникативный ход является извинение и чувство неловкости, о котором позволяет судить метакоммуникативная авторская ремарка *“he muttered”*.

Метакоммуникация позволяет модифицировать не только вербальное, но и невербальное поведение партнеров по общению. Проиллюстрируем наш вывод следующим диалогом из романа А. Гончарова «Обыкновенная история» между Антоном Ивановичем, помещиком, без которого «не совершается ни один обряд», и Анной Павловной Адуевой, «небогатой помещицей», отпустившей своего единственного сына «в Петербург на службу». Приведенная ситуация демонстрирует функционирование метакоммуникативных речевых действий в бытовом типе дискурса.

— **Полно вам, матушка Анна Павловна, слезы-то тратить!** — сказал Антон Иванович с притворной досадой, наполнив рюмку наливкой. — Что вы его, на убой, что ли, отправляете? — Потом, выпив до половины рюмку, почавкал губами.

— Что за наливка! какой аромат пошел! Этаким, матушка, у нас и по губернии-то не найдешь! — сказал он с выражением большого удовольствия.

— Это тре... те... годич... ная! — проговорила, всхлиывая, Анна Павловна, — нынче для вас... только ... откупила.

Первый метакоммуникативный ход Антона Ивановича **«Полно вам, матушка Анна Павловна, слезы-то тратить»** и попытка отвлечь ее от мыслей об отъезде сына, оказываются безрезультатными. Об этом свидетельствует метакоммуникативная ремарка автора *«проговорила, всхлиывая»*. Однако последующие метакоммуникативные речевые действия достигают своей цели:

— Эх, Анна Павловна, **и смотреть-то на вас тошно**, — начал опять Антон Иванович, — вот некому бить-то вас; бил бы да бил!

— Сами посудите, Антон Иванович, один сын, и тот с глаз долой: умру — некому и похоронить.

— А мы-то на что? Что я вам, чужой, что ли? Да куда еще торопитесь умирать? Того гляди, замуж бы не вышли! Вот бы поплясал на свадьбе! **Да полноте плакать-то!**

— Не могу, Антон Иванович, право, не могу; не знаю сама, откуда слезы берутся.

— Этакого молодца взаперти держать! Дайте-ка ему волю, он расправит крылышки да вот каких чудес наделает: нахватает там чинов!

— Вашими бы устами да мед пить! Да что вы мало взяли пирожка? возьмите еще! <...>

— С вами горя не чувствуешь, Антон Иванович, — сказала анна Павловна, — так умеете утешить; дай бог вам здоровья! Да выкушайте еще наливочки

(И. А. Гончаров. Обыкновенная история, с. 26—27).

Таким образом, посредством метакоммуникативных речевых действий «и смотреть-то на вас тошно», «Да полноте плакать-то!» Антону Ивановичу удается успокоить расстроенную женщину. Она не только перестает плакать, но и благодарит собеседника за то, что он смог ее утешить.

Согласно нашей выборке, в 89 % случаев метакоммуникативные речевые действия способствуют оптимизации общения. Однако существуют исключения — ситуации, в которых метакоммуникативные речевые действия не достигают желаемой цели (11 % случаев), например:

Глаз Романуса запылал сильнее, и Андрей Андреевич не успел еще пристроить папку под лампой, как вскипел скандал.

Начался он с фразы Романуса:

— Я категорически протестую против насилия над музыкантами и прошу занести в протокол то, что происходит! <...> Чтобы проверить звучание, нужно иметь кой-какой аппарат, при помощи которого можно проверить, например, уши! Но если кому-нибудь в детстве...

Метакоммуникативные ремарки автора «Глаз Романуса запылал сильнее, «вскипел скандал», «начался он с фразы» указывают на речевой конфликт и эмоциональное состояние собеседников. Это позволяет нам предположить, в какой тональности будет разворачиваться диалог между конфликтующими сторонами: собеседники будут говорить на повышенных тонах:

— **Я отказываюсь продолжать разговор в таком тоне,** — сказал Андрей Андреевич и закрыл папку.

— **Какой тон?! Какой тон?! —** изумился Романус. — **Я обращаюсь к писателю, пусть он подтвердит свое возмущение по поводу того, как калечат у нас музыкантов!**

— Позвольте.... — начал я, видя изумленный взгляд Андрея Андреевича.

— Нет, виноват! — закричал Романус Андрею Андреевичу. — Если помощник, который обязан знать сцену как свои пять пальцев...

— **Прошу не учить меня,** как знать сцену, — сказал Андрей Андреевич и оборвал шнурок на папке.

— Приходится! Приходится, — ядовито скалясь, прохрипел Романус.

— Я занесу в протокол **то, что вы говорите!** — сказал Андрей Андреевич.

— И я буду рад, что вы занесете!

— **Прошу оставить меня в покое!** Вы дезорганизуете работников на репетиции!

— Прошу и эти слова занести! — фальцетом вскричал Романус.

— *Прошу не кричать!*

— *И я прошу не кричать!*

— *Прошу не кричать!* — отозвался, сверкая глазами, Андрей Андреевич и вдруг бешено закричал: — *Верховые! Что вы там делаете?! — и бросился через лесенку на сцену* (М. Булгаков. *Записки покойника*. С. 128—129).

Несмотря на вежливые апелляции «*прошу*», которые могут объясняться стремлением соблюдать нормы поведения в условиях делового общения, собеседники остаются агрессивно настроенными и не слушают друг друга. Об агрессии свидетельствуют метакоммуникативные ремарки автора «*закричал*», «*ядовито скался*», «*прохрипел*», «*фальцетом вскричал*», «*отозвался, сверкая глазами*», «*бешено закричал*». В результате конфликт остается неразрешенным.

Мы считаем, что в анализируемой ситуации между партнерами по общению осуществляется *квазикоммуникация*, т.е. процесс обмена репликами, не воспринимаемыми собеседниками. С одной стороны, в данной ситуации происходит обмен сообщениями, но с другой стороны, эти сообщения «висят в воздухе» — коммуниканты не хотят слушать друг друга и вдумываться в слова.

Успех не достигается и в тех случаях, когда между участниками общения осуществляется *псевдокоммуникация* — процесс обмена сообщениями, неверно интерпретируемыми собеседниками. В результате возникает иллюзия взаимопонимания. Примером псевдокоммуникации может служить ситуация, в которой два человека договариваются встретиться в определенном месте в определенное время и приходят на назначенную встречу либо в разные места, либо в разное время.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что хотя метакоммуникативные речевые действия не способны разрешить все проблемы, возникающие в ходе человеческого общения, они играют важную роль в его оптимизации, обеспечивая психологически комфортное протекание коммуникативного процесса и способствуя взаимопониманию между коммуникантами.

1. Дубровченко, Е. М. Феномен метакоммуникации как один из видов человеческого общения / Новые технологии и информатизация общества: сборник материалов 5-й международной научно-практической конференции молодых ученых; под общ.ред. д.т.н. проф. Грузина В.В. Караганда: РИО «Болашак-Баспа», 2010. С. 45 – 49. – Том – 1.
2. Леонтович, О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию: учеб.пособие [Текст] / О. А. Леонтович. — Волгоград: Перемена, 2003. — 399 с.

Цаллагова И.Н.

**Способы описания лексико-семантических групп
(на осетинском языковом материале)**

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им.
В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский
научный центр Российской академии наук»*

doi: 10.18411/lj-31-10-2017-52

idsp: 000001:lj-31-10-2017-52

В отечественной лингвистике выработались различные способы описания ЛСГ, вычленения из словарного состава того или иного языка слов, которые могут образовывать парадигму, а также решения проблемы определения границ той или иной группы.